

Статистика национального богатства и экономическая наука

Д.А. ФОМИН, кандидат экономических наук, Новосибирский государственный университет экономики и управления, Новосибирск.
E-mail: fomin-nsk@yandex.ru

Аннотация. До конца 1990-х годов российская статистика использовала советскую методологию оценки стоимости основных фондов. С целью доведения учетной стоимости основных фондов до восстановительной стоимости в масштабах страны было проведено шесть всеобщих переоценок. В 1998 г. российское статистическое ведомство перешло на международные стандарты, означающие учет стоимости основного капитала с помощью метода непрерывной инвентаризации и отказ от проведения всеобщих переоценок. Однако использование признанных во всем мире методологии и стандартов не привело к росту достоверности показателей, характеризующих стоимость элементов национального богатства, и не расширило их перечень. В качестве главной причины усиливающейся деградации российской статистики следует назвать низкий уровень российской экономической науки и неспособность ее представителей верифицировать декларируемые статистикой показатели. Такое положение во многом объясняется негативным советским наследием. В постсоветском периоде негативные академические традиции экономической науки прошлого не были преодолены, наоборот, они были усилены. В настоящее время среди экономистов массовое распространение получили постмодернистские теории, отрицающие возможность традиционной многовековой науки в понимании настоящего и разрушающие академическую интеллектуальную преемственность. Национальному богатству и его основному элементу – производственному капиталу, постмодернизм, в отличие от традиционной экономической науки, не придает большого значения в экономике и не считает инвестиции важнейшим и обязательным фактором ее роста.

Ключевые слова: национальное богатство; основные фонды; советская история; статистика СССР; достоверность статистических показателей; политические репрессии; теории постмодернизма

JEL A11, B14, C82, E22

Введение

В современном мире оценкой национального богатства и его элементов занимаются статистические службы, крупные международные организации, бухгалтерские и аудиторские фирмы, специализированные оценочные компании, но не экономическая наука. В этом отличие нашего мира от мира прошлого, в котором лучшие макроэкономисты на протяжении столетий искали пути решения этой сложнейшей задачи. Произошла естественная эволюция: то, что раньше требовало интеллектуальных усилий

и блестящих умов, благодаря этим усилиям и умам стало обыденностью и рутинной. Наука сделала свое дело.

Россия, как всегда, идет по своему пути. Отечественная экономическая наука примерно с середины 1990-х годов перестала обращать внимания на проблему оценки стоимости национального богатства, полностью переложив всю ответственность за ее решение на государственную статистическую службу и класс новых частных собственников. Российская наука не верифицирует официальные статистические данные, предпочитает не замечать их многочисленных внутренних противоречий и недостоверности. Это равнодушие есть признак непрофессионализма и безответственности перед государством и обществом, а также и основная причина низкого качества современной российской статистики.

Конечно, любая макроэкономическая статистика, в том числе и статистика национального богатства, несовершенна, ведь это все-таки не бухгалтерский учет. Вопрос в масштабе ошибок. Одно дело, когда погрешность какого-либо показателя исчисляется процентами, или даже десятками процентов. И совсем другое, когда показатели искажены в разы. Это явное свидетельство системных статистических ошибок, и именно их совершают в России. Размер погрешностей в измерении стоимости капитала таков, что искажает всю макроэкономическую и финансовую статистику. Между тем именно этой статистикой пользуются экономисты, анализируют ошибочные статистические показатели, строят на их основе не менее ошибочные прогнозы, отраслевые и региональные экономические стратегии. Недостоверная статистика национального богатства, деградировавшая экономическая наука и разрушающаяся экономика – вот три тесно связанных и обуславливающих друг друга феномена сегодняшней российской действительности.

В данной статье речь идет исключительно о макроэкономической статистической оценке основного капитала – главного элемента национального богатства, определяющего производственные возможности российской экономики. Аспект учетной оценки стоимости капитала и активов на уровне отдельного предприятия здесь не рассматривается, равно как и другие элементы национального богатства.

Изобретение статистики

В ответ на вопрос о том, кто явился основателем современной экономической науки, экономисты единодушно определили на это место Уильяма Петти. Как отметил в свое время Йозеф А. Шумпетер, это один из редких случаев согласия ученых между собой [Шумпетер, 2004. С. 269]. Уильям Петти был первым экономистом и эконометристом. Этим словом Йозеф А. Шумпетер называл тех, кто описывает экономические процессы и явления на языке цифр, дает им количественную оценку. Одна из основных работ У. Петти называется «Политическая анатомия Ирландии», в ней автор определил стоимость основных элементов национального богатства страны того времени – земли и имущества населения. С момента выхода работы в 1672 г. и до сегодняшнего дня экономическая наука проделала большой и трудный путь по исчислению стоимости национального богатства.

Серьезные сложности возникли перед экономистами при определении стоимости основного капитала. Первыми к решению этой проблемы приступили статистики США. Вопрос о стоимости капитала впервые был включен в анкету при проведении промышленной переписи (ценза) 1805 г. Последующие промышленные цензы, проводившиеся раз в 10 лет, содержали постоянно совершенствующуюся систему вопросов, ответы на которые были призваны помочь статистикам рассчитать стоимостные характеристики элементов промышленного капитала. Несмотря на столь богатую историю оценок и накопленный учетный опыт, сведения о стоимости капитала промышленности США оставались крайне недостоверными целых полтора столетия [Кваша, 1962].

Не меньше усилий прилагали и коллеги американцев по другую сторону Атлантики. Результаты были те же. В 1940 г. выдающийся английский статистик Колин Кларк, характеризуя две самые важные макроэкономические задачи, писал: «Утомительные и неразрешимые проблемы измерения реального национального дохода являются детской забавой (child's play) по сравнению с трудностями измерения реального национального капитала» [Clark, 1940. P. 374].

Однако в науке решение проблемы никогда не зависит от ее трудности, а полностью определяется талантами исследователей и мерой приложенных усилий. В 1950-е годы Реймонд Голдсмит и его коллеги осознали, что причиной неудач измерения стоимости

капитала и его динамики является диверсифицированная учетная политика компаний. Отражение всего ее разнообразия в рамках проводимых цензов невозможно в принципе. Нужно было искать другой подход.

Противопоставить учетной энтропии можно было только одно: жесткую единую статистическую методологию. Главная заслуга американских статистиков во главе с Р. Голдсмитом заключалась в том, что они перевели проблему оценки капитала из учетно-практической плоскости в расчетно-статистическую. В результате было найдено решение проблемы в виде метода непрерывной инвентаризации запасов капитала [Голдсмит, 1968].

Смысл метода состоит в том, что статистическая служба рассчитывает индексы цен на инвестиционные товары и по этим индексам определяет текущую стоимость выбывших из эксплуатации фондов. Предприятия подают сведения о выбывших активах с указанием их исторической стоимости, датой последней переоценки (если такая была) и годом ввода в эксплуатацию. После этого статистики с помощью балансового метода суммируют накопленные экономикой запасы капитала, вычитают из них стоимость выбывших активов по современной стоимости и добавляют стоимость введенных фондов (также по текущей современной стоимости). Как видно, достоверная макроэкономическая статистика стоимости активов – это предмет заботы не компаний и фирм, а централизованной статистической службы. Эти усилия привели также к тому, что в развитых странах, начиная с конца 1950-х годов, проблема оценки капитала перестала быть научной; в настоящее время она представляет собой рутинную практику статистической службы.

Из всего этого очевидно, что оценка национального богатства и его центрального элемента – капитала – представляет собой важную и сложную экономико-статистическую задачу, к решению которой экономическая наука приступила с самого начала своего появления. Однако неужели у экономистов более чем за три столетия не было иных, более актуальных тем? Для ответа на эти вопросы нужно понимать, что статистика национального богатства – это предельно возможный уровень исторического и макроэкономического обобщения, на котором знания трансформируются в понимание происходящего.

Что, например, можно сказать об экономике, в которой текущий уровень инвестиций ниже нормативной амортизации в 2,2 раза; которая за последние 26 лет потеряла 30,4% своего капитала; в которой уровень износа фондов достиг 65,8%, а полная стоимость фондов на конец года на 1,5% меньше по сравнению с его началом [Фомин, Ханин, 2017. С. 31]? Эти данные позволяют понять, что происходит в экономике с объемами производства, доходами работников и занятостью, наполнением бюджета, параметрами социальной сферы и системой пенсионного обеспечения. Они являются оценкой (причем самодостаточной) эффективности выбранной после 1992 г. экономической модели и результативности проводимых реформ. На основе оценок материального потенциала без всякого труда можно разглядеть будущее экономики – конечно, не его детали и подробности, а общие тенденции. Наконец, становится понятным и то, что нужно сделать для изменения сложившихся тенденций и сколько это изменение будет стоить.

В сумерках длинной тени

Отечественная наука на направлении измерения национального богатства проделала короткий и трагичный путь – с середины 1920-х годов, когда стали проводиться первые промышленные переписи и переоценки, и до середины 1970-х годов, когда ушли из жизни ученые, решавшие эту проблему. Трагичным его сделала судьба исследователей: лучшие из них были репрессированы, а научные школы и направления по оценке национального богатства так и не были сформированы.

Первым в СССР приступил к решению этой проблемы Альб. Л. Вайнштейн в 1926 г. К этому времени в стране был завершен восстановительный период и встал вопрос об источниках экономического роста и его возможных темпах¹. На основе изучения существующей статистики А.Л. Вайнштейн пришел к выводу о том, чем следует обосновывать размер национального

¹ Под восстановительным понимается период, в котором рост экономики происходит за счет лучшей организации производства на основе созданных в прошлые периоды запасов производственных мощностей и резервов рабочей силы. Предшествует восстановительному периоду военный или социальный катаклизм, при котором спад производства значительно выше по сравнению с уровнем разрушения материальной основы экономики и сокращением экономически активного населения. В новейшей истории нашей страны было три восстановительных периода: первый – в 1922–1926 гг., второй – 1945–1948 гг., третий – 1999–2008 гг.

дохода: «При построении плана любого хозяйства общий темп развития определяется величиной того фактора, который находится в минимуме... Если в предыдущие годы таким фактором был оборотный капитал, то в настоящее время в минимуме находится уже основной капитал... Его размер определяет собой уровень национального дохода, которого достигнет страна в ближайшем году» [Слуцкий, 1993. С. 13]. С позиции изучения производственного потенциала была оценена практика составления пятилетних планов, ошибочность которых не вызывала у А. Л. Вайнштейна никаких сомнений: «Нужно со всей резкостью заявить, что подобная затея является химерой, гаданием на кофейной гуще и ничем иным в настоящее время быть не может... Для правильной экономической политики необходимо учитывать тенденции прошлого и положение настоящего, а не гадания будущего» [Слуцкий, 1993. С. 14]. Официальная позиция была иной. Вот как ее сформулировало руководство НИИ сельскохозяйственной экономики (в этом институте работал А. Л. Вайнштейн) в сборнике работ о планировании: «В СССР проблема прогноза имеет подчиненное значение, ибо на первое место здесь выступает волевое начало, директива и сознательная перестройка общества на социалистических началах и в определеннй срок» [Слуцкий, 1993. С. 15]. Если в этой фразе убрать слова «СССР» и «социалистических», то она достаточно точно характеризует и современную российскую ситуацию, связанную с появлением многочисленных планов, стратегий, прогнозов, «майских указов».

Более чем очевидно, что исследования А. Л. Вайнштейна доказывали невозможность выполнения плановых пятилетних заданий и уничтожали репутацию плановых и управляющих хозяйственных органов. Этого было вполне достаточно для принятия нужных и эффективных решений (разумеется, с позиций того времени). А. Л. Вайнштейн пережил три ареста: в 1930, 1937 и 1941 гг. Окончательно был реабилитирован в 1957 г. и только тогда смог вернуться к прерванным научным занятиям.

Схожая участь была уготована и другому исследователю – Я. Б. Кваше. Первый раз ученый был осужден в 1938 г., второй – в 1949 г. Все обвинения против него были сняты только в 1955 г. Поводами для арестов была причастность Я. Б. Кваши к проведению переписей промышленного оборудования и знания о реальном состоянии советского материального производственного потенциала.

Более удачно сложилась судьба С.Г. Струмилина. От арестов и репрессий его спасло, вероятно, академическое звание. Однако это видимая удачливость и не самая важная сторона жизни. Хотя репрессии не уничтожили академика физически и не лишили его свободы, они морально сломили его. Приписываемая С.Г. Струмилину фраза о высоких и низких темпах развития², вне зависимости от ее подлинности, означает готовность поступиться убеждениями в угоду демонстрации политической лояльности и довольно точно характеризует требования времени. Разрешение явного противоречия между собственными научными взглядами и внешними статусными требованиями в пользу последних всегда достигается путем деморализации. В отличие от своих отсидевших коллег, С.Г. Струмилинин так и не смог вернуться после 1930-х годов к изучению актуальных вопросов советской экономики.

Конфликт ученых и власти – научной добросовестности и идеологического волюнтаризма был predetermined с самого начала изучения советских основных фондов, а репрессии стали его естественным разрешением. Единственной виной ученых был неправильный выбор темы, но и этого оказалось достаточно для лагерной карьеры.

Шанс вернуться к теме оценки национального богатства советская экономическая наука имела в конце 1960-х годов. Английский экономист Алек Ноув, посетивший Москву в 1969 г., рассказывал об их совместной с А.Л. Вайнштейном встрече с руководителями ЦСУ СССР В.Н. Старовским и С.Я. Гениным [Ноув, 1993. С. 17]. Так же, как и в 1920-е годы, А.Л. Вайнштейн резко критиковал официальные данные о темпах экономического роста, доказывал их недостоверность и принципиальную невозможность. И так же, как тогда, эта критика оказалась не услышанной.

Но если в 1920-е годы причиной «глухоты» был страх перед репрессиями, то в 1960-е годы она объяснялась качеством экономической науки. Экономисты стали избегать спорных и опасных тем, которые потенциально грозили неприятностями и могли вызвать гнев начальства. Они стали более циничными, хорошо видящими границу между тем, о чем можно писать и говорить, и тем, о чем не следует даже думать. И, конечно же, более меркантильными, ценящими материальные блага и свой статус выше

² «Лучше стоять за высокие темпы, чем сидеть за низкие» (Прим. ред.).

профессиональных достижений. Последние к благам и положению уже не имели никакого отношения. В общем, экономисты демонстрировали все те качества, интегральная характеристика которых впоследствии стала обозначать их носителей словом «шестидесятники».

Тем не менее в 1960-е годы была интеллектуальная среда, о которой сегодня можно только мечтать. Молодое поколение экономистов с большим уважением относилось к старшим коллегам, считалось с их авторитетом (и не только интеллектуальным), а свое поведение и поступки соизмеряло с их мнением. Об этом, например, можно узнать из воспоминаний А. Г. Аганбегяна о С. А. Хеймане, А. Л. Вайнштейне, Я. Б. Кваше, В. П. Красовском [Аганбегян, 2007]. Однако профессиональные и личностные качества не были воспроизведены новыми поколениями, понесенные нравственные потери оказались слишком велики и делали продолжение академической традиции невозможным.

Решительно разорвав с прошлым и традициями, экономисты стали развивать новые бесплодные и тупиковые направления, теряя в движении по ним всякое понимание экономической реальности и превращая карьерную суету в собственные профессиональные похороны. Советская экономическая наука – это мартиролог, перечень жертв, упущенных возможностей и нереализованных шансов. Однако ей нужно было пройти долгий путь и еще предстоит перейти в свою конечную фазу.

Cargo и его получатели

Рыночные преобразования в России изменили и расширили спектр научных экономических исследований, не отменив при этом их общей деструктивной направленности. Советские экономисты угробили советскую экономическую науку. Российские экономисты не менее успешно расправляются с российской наукой, и потому они с такой надеждой смотрят на Запад, уповая на помощь оттуда. Однако западная экономическая наука решает свои национальные задачи, мало задумываясь об универсальности найденных решений и возможности их использования в других странах. Что касается оценки стоимости производственного капитала, как было указано выше, эта проблема западной наукой была решена более чем полвека назад и сейчас является не более чем страницей в ее долгой и богатой истории. Ориентация

на западные исследования и представление о наличии некоего общего и одинакового мирового интеллектуального экономического пространства, присущее многим нашим экономистам, глубоко ошибочны.

Западная наука нужна российским экономистам также в качестве инструмента личного ребрендинга, связанного с необходимостью профессионализации в условиях отказа от накопленного советского теоретического наследия. Разумеется, от западной науки экономисты берут не все, а только то, что могут понять и осмыслить. Отсюда – уход в мелкотемье, акцентирование внимания на низкоквалифицированных и малозначимых исследованиях.

Серьезной проблемой также является стирание границ во всем мире между научными и ненаучными (часто – антинаучными) работами, проходящее под лозунгом расширения академических свобод. Конечно, утрата наукой маркеров своих границ не означает стирание самих границ. Тем не менее на территорию науки сегодня часто попадает то, что не имеет к ней никакого отношения.

В полной мере сказанное относится и к статистической практике. Формально российское статистическое ведомство двадцать лет назад перешло на международные стандарты, включающие в себя, помимо прочего, и расчеты операций с капиталом с использованием метода непрерывной инвентаризации. Однако правильное применение международной статистической методологии требует понимания проблем, связанных с измерением запасов капитала и их динамики. Этого понимания нет. Достаточно, например, указать на то, что экономисты и статистики, за крайне редким исключением, не владеют термином «восстановительная стоимость» и не знакомы с техникой расчета показателя. Для российских статистиков международные статистические стандарты – это ритуал, который они тщательно соблюдают, не разумея его суть. В антропологии такая практика называется карго-культом, она хорошо описана на примере жителей островов Океании, имитировавших действия и команды американских военных при десантировании ими грузов и посадке самолетов во время Второй мировой войны [Фейнман, 2011. С. 468–469].

Ржавый пояс экономической науки

Отмеченные особенности составляют питательную среду, на поверхности которой продолжают развиваться позднесоветские

взгляды на развитие экономики. С носителями этих взглядов мне неоднократно приходилось сталкиваться при обсуждении выполненных расчетов по оценке стоимости производственного капитала в различных академических институтах и на научных конференциях, а также при рецензировании научных статей. В обобщенном тезисном виде эти воззрения можно свести к следующим утверждениям.

1. В современной экономике развитая промышленность и сельское хозяйство являются атрибутами слаборазвитых стран. Развитые страны формируют постиндустриальную экономику, основанную на высокотехнологичных наукоемких производствах и потребительских секторах сферы услуг. Традиционные промышленные и аграрные производства являются бременем для новой экономики. Если раньше только аграрная деятельность была убыточна и требовала государственной поддержки, то теперь и промышленное производство во многих случаях не может обойтись без бюджетных дотаций³. Чтобы более успешно участвовать в новом международном разделении труда и производства, необходимо как можно скорее покончить с материальным и социальным бременем индустриальной эпохи. Применительно к России авторы данных взглядов сформулировали концепцию «перегнать не догоняя». Согласно данной концепции, те страны, которые быстрее избавятся от материальных и ментальных ценностей уходящей эпохи и сформируют новые постиндустриальные ценности, получат более достойное место в мировой экономике. И в этой связи перед Россией, как перед страной с небольшим запасом накопленного капитала, открываются блестящие перспективы. Разумеется, ни о какой сохранности и преумножении капитала в данной концепции речь вестись не может в принципе.

2. Имеющийся производственный потенциал России до сих пор в значительной степени определяют советские активы. Их отраслевое распределение и территориальное размещение осуществляли плановые органы, которые принимали решения исходя из особенностей централизованной советской экономики и зачастую без учета экономических факторов. Эти особенности сегодня

³ По нашим с Г. И. Ханиним расчетам, для обеспечения рентабельности российской промышленности на уровне американской требуется отменить все виды налогов с промышленной деятельности и увеличить объем субсидий производителям промышленной продукции не менее чем в 15 раз [Ханин, Фомин, 2019].

уже не главные для российской рыночной экономики, но созданные в прошлом на их основе материальные активы до сих пор задействованы в рыночном производстве, в создании рабочих мест и в формировании налоговых отчислений. Современная российская экономика не в состоянии решить это явное противоречие между нерыночными активами и их рыночным использованием. Исправить сложившуюся ситуацию невозможно, остается дожидаться естественного выбытия советских материальных активов. И только после полного физического исчезновения советского прошлого в России возможно построение нормальной рыночной экономики. Поэтому очевидно, что существующий в нашей стране материальный производственный капитал не нуждается в воспроизводстве, инвестиционные вложения в имеющиеся основные фонды лишь увеличивают длительность мучительного транзита от советской ненормальности к рыночной нормальности.

3. Целый ряд экономистов описывает современную и будущую экономику, прежде всего, как экономику креативную или экономику знаний, в основе которой лежат человеческий капитал и его способности к производству высоких гуманитарных (high-hum) и технических (hi-tech) технологий. В определенной степени такое описание экономики проистекает из марксистской традиции, декларирующей главенство живого труда над мертвым (то есть капиталом). Одновременно это описание есть извращение марксизма, оно не снимает противоречия между трудом и капиталом ввиду сохранности частной собственности, предпринимательства и рынка. Основа новой экономики – высокоэффективный и производительный труд, свободный от перманентной нужды зарабатывания денег в товарной экономике. Труд больше не является (не должен являться) общественным принуждением и главным условием жизни работника в обществе (кто не работает – тот не ест), он становится (должен стать) одним из элементов жизни, зачастую – необременительным, а иногда и вовсе необязательным. Новый творческий труд нуждается в новых формах своей организации и в новых формах жизни нового человека. Речь идет о таких феноменах, как фрилансерство, нестабильная (временная) занятость в нестабильных (сформированных под проекты) трудовых коллективах, безусловный базовый доход, дауншифтинг, отрицательный подоходный налог, пассивные рентные доходы. Сторонники таких воззрений считают самой

насушной современной задачей гуманизацию экономических отношений под лозунгом: «Экономика для человека, а не человек для экономики». Своеобразное понимание гуманности экономики в виде безграничного гедонизма и безудержного сибаритства, помимо прочего, отрицает опыт экономических модернизаций, своей целью ставящих преодоление отсталости путем быстрого накопления капитала. Успешные модернизации, за крайне редким исключением, были основаны на колоссальном трудовом напряжении работников и их запредельной эксплуатации, аскетизме массы населения, свертывании демократических прав и свобод в условиях авторитарных политических режимов.

4. Отдельно стоит сказать о спросе, точнее, потребительском спросе. В России чрезвычайно популярна точка зрения на спрос конечных потребителей как главный драйвер экономического развития. Массовый спрос порождает инвестиционный бум, а уже он, в свою очередь, порождает не менее массовое производство. Правильная экономическая политика, таким образом, заключается в стимулировании спроса, в том числе и за счет бюджетных средств, а все остальное сделают свободное предпринимательство и рыночная конкуренция. Сторонники данной теории для придания ей академического лоска часто ссылаются на Дж. М. Кейнса, в частности, на его анализ функции потребления. Между тем английский экономист установил, что с ростом доходов хотя потребление и возрастает, но гораздо в меньшей мере. Образующаяся разница представляет собой сбережения. Если эти сбережения домашних хозяйств не инвестируются в производство, а, например, тратятся на сверхпотребление богатых слоев или формируют финансовый капитал, это негативно сказывается на динамике производства и уровне занятости. Исходным элементом в теории Дж. М. Кейнса выступает не спрос как таковой, а эффективный спрос, определяющий зависимость производства от уровня текущего спроса на потребительские и инвестиционные товары. Современные взгляды сторонников стимулирования потребительского спроса не имеют ничего общего с работами Дж. М. Кейнса.

Если уж говорить о теории, то в наибольшей степени требованиям стимулирования спроса отвечает теория свободных денег Силвио Гезелля, предполагающая использование денег исключительно как инструмента обмена и выражения цен, но не как

средства накопления. Такие деньги, по мнению автора теории, должны терять свою стоимость с течением времени, тем самым формируя нулевую или даже отрицательную норму ссудного процента. Накопление свободных денег становится затратной операцией, поэтому их владельцы будут стремиться к максимально быстрому избавлению от денег, тем самым повышая скорость их обращения и стимулируя спрос⁴. Впрочем, теория Силвио Гезелля слишком экзотична и к тому же неизвестна подавляющему числу государственных руководителей и экономистов, чтобы проводить на ее основе экономическую политику.

Однако в России происходит не то, что теоретически обоснованно, и совсем не то, что должно и нужно, а то, что хочется. Недавно я сравнил российские и общемировые данные о конечном распределении ВВП. Это сравнение было сделано с использованием паритетов покупательной способности российского рубля по различным элементам ВВП. В последний раз расчеты паритетов Росстат проводил в 2014 г., по итогам которых выяснилось, что доля конечного потребления домашних хозяйств в РФ составила 68,9% (в мировом ВВП – 58,0%), а доля валового накопления основного капитала – 14,8% (в мировом ВВП – 23,6%). Это означает, что Россия, как минимум, не может рассчитывать на более высокий по сравнению с мировым прирост ВВП. К тому же при такой норме накопления основного капитала не может идти речи о модернизации российской экономики и укреплении ее международных позиций.

Логически люди должны сначала что-то произвести и затем уже потребить. Исторически потреблению всегда предшествует производство, но никак не наоборот. Однако российское общество, полностью утратившее всякую логику и историческую память,

⁴ Теория Силвио Гезелля о свободных деньгах получила художественную интерпретацию в последнем романе Чака Паланика «Ссудный день» [Паланик, 2018]. Этот алармистский роман описывает США после свержения законной власти и распада государства на три части. Новые правительства вводят в обращение свободные деньги, представляющие собой купоны с рисунком из наночастиц золота и серебра, которые заключены в гелиевую прослойку. Под воздействием ультрафиолета гелиевая прослойка разрушается, изображения становятся менее отчетливыми, «деньги» теряют свою стоимость. Продолжительность действия купонов составляет шесть недель. Быстрый вывод из обращения свободных денег делает сеньораж единственным и достаточным финансовым ресурсом новой власти. Традиционная индустрия в новой реальности погибает, города разрушаются, а вся экономическая активность перемещается в феоды и осуществляется в виде аграрной деятельности [Паланик, 2018].

не в состоянии понять связи между уровнем общественного производства и размером личного потребления. Это отчетливо показала, например, пенсионная реформа и связанные с ней протесты. Возмущаться нужно было тогда, когда гибли заводы и фабрики, разрушалось сельское хозяйство, деградировали образование и наука, а деньги вкладывались во что угодно, но не в то, что создает рабочие места и дает налоговые отчисления. Что касается самих протестов, они представляют собой проявление потребительских вожделений, группового эгоизма людей предпенсионного возраста и полное безразличие ко всему, выходящему за рамки этого эгоизма.

Люмпенизация и общественный популизм в полной мере относятся и к представителям экономической науки, осуждающим пенсионную реформу, но не понимающим, что реликтовая российская экономика уже не в состоянии поддерживать дошедшуюся ей по наследству социальную сферу и обеспечивать выполнение советских пенсионных нормативов. Это еще одна из граней, отсвечивающая интеллектуальное убожество представителей сегодняшней российской экономической науки.

5. Если в России нет денег на инвестиции (деньги тратятся на текущее потребление и вывозятся за границу) и если экономика России остро нуждается в росте, то неизбежно возникает вопрос об иных, неинвестиционных факторах роста. И вот здесь ответ предлагает экономическая наука. Речь идет об инновациях. Сама по себе идея инноваций, конечно, не нова. Новизной ее наполнили современные исследователи (и не только российские), причем такой новизной, которая не оставляет места традиции. Впервые предложивший данный термин в его современной экономической трактовке Й. Шумпетер понимал под инновациями нововведения, являющиеся сущностью предпринимательства и позволяющие предпринимателям получать конкурентные преимущества. Результатом акцентирования внимания на феномене предпринимательства, его способности к инновациям стало то, что предпринимательство начали рассматривать как самостоятельный фактор экономического роста. Тем самым традиционная трехфакторная модель экономического роста, которую ранее предложил Жан Батист Сэй после появления трудов Й. Шумпетера, стала четырехфакторной.

Что взяли сегодняшние экономисты из этого наследия? Ничего, кроме слова «инновация» и литературной основы для написания своих статей. Очевидно, что в академической традиции инновации – не более чем одна из сущностей одного из факторов производства. В современном понимании инновации отменяют или заменяют все известные факторы экономического роста или, по крайней мере, уменьшают потребность в них. Экономисты, когда ведут речь (если вообще ведут) об инвестициях, труде, капитале и предпринимательстве, говорят о них сквозь призму инноваций. Сочетания «создание условий для инновационной деятельности», «источники инноваций», «инновационный человеческий капитал» и даже «инновационное предпринимательство» стали клише, безупречными маркерами экономического невежества и глупости.

Впрочем, сейчас уже исследования инноваций теряют актуальность, по крайней мере, массовую. По мере исчерпывания новизны термина и роста разочарования ввиду отсутствия видимых результатов, будут появляться новые понятия и новые предметные области исследования. Последним и достаточно конъюнктурным направлением становится, например, цифровизация экономики.

Все это напоминает то, чем занимались алхимики в Средние века. А занимались они поиском философского камня – субстанции, способной к трансмутации любого вещества в золото и разом отменяющей химию, геологию и горную промышленность. Современные экономисты тоже ищут философский камень, с помощью которого они надеются превратить разрушенную сырьевую экономику в процветающую, и сделать это без инвестиций, без сокращения объемов личного и государственного потребления, да еще и в условиях внешней открытости российской экономики. Современная экономика безинвестиционного роста имеет не большее отношение к науке и не большие перспективы, чем средневековая алхимия.

6. Под воздействием научно-технического прогресса, предполагающего появление новых и более совершенных машин и технологий, происходит снижение потребности в капиталовложениях, а замена выбывшего капитала и техническое перевооружение расширяют производственные возможности экономики и понижают ее капиталоемкость. Воспроизводство капитала – это консервация

экономической структуры и текущего способа производства и потому совсем не то, к чему должна стремиться экономика.

Такое убеждение основано на экономической безграмотности, проявляющейся, как минимум, в двух аспектах. Во-первых, капитал имеет исключительно стоимостное выражение и не характеризует характер и соотношение элементов, его образующих. Воспроизводство капитала – это воспроизводство его стоимостного объема и ничего, кроме этого. Во-вторых, на тему динамики капитала и его значимости для экономического развития написано множество книг. Сошлюсь лишь на последнюю значимую работу в этой области, – книгу Т. Пикетти, в которой приводится расчет соотношения между запасами капитала и текущим доходом в мире за 1870–2010 гг. [Пикетти, 2015. С. 201–202]. Это соотношение в начале периода равнялась примерно 4,5; то есть для производства единицы дохода требовалось 4,5 единицы капитала. В период между 1914 г. и 1945 г. это соотношение упало, достигнув минимума – 2,5, что было вызвано колоссальными потерями капитала в двух мировых войнах. Затем это соотношение стало вновь расти и сегодня соответствует значению последней четверти XIX века. В будущем же, по мнению Т. Пикетти, это соотношение продолжит свой рост, достигнув к концу века отметки 6,5.

Разумеется, данные Т. Пикетти далеко не единственные в этой макроэкономической области. В качестве примера можно также указать историческое соотношение между темпами прироста капитала и ВВП, исчисленное выдающимся историком Э. Мэддисоном [Мэддисон, 2015. С. 469–474, 582]. Согласно исследованию, в развитых странах с начала XIX века по начало XXI среднегодовые темпы роста капитала были выше темпов прироста национального дохода. К таким же выводам пришел и российский экономист В. А. Мельянцев [Мельянцев, 1996. С. 165–169]. В его работе содержатся значения коэффициентов предельной капиталоемкости шести наиболее развитых стран мира за период 1921–1990 годов⁵. Расчеты В. А. Мельянцева показывают, что исторически предельная норма имеет тенденцию к повышению. Это значит,

⁵ Под предельной капиталоемкостью понимается соотношение между нормой накопления и годовым темпом прироста ВВП.

что производство каждой дополнительной единицы ВВП требует непропорционально большей доли валового накопления.

Научно-технический прогресс, создание новых образцов техники всегда сопровождается ростом ее стоимости, при этом стоимость, как правило, растет быстрее производственных возможностей и потому с точки зрения цены единицы мощности или производительности новая техника чаще всего является более дорогой.

В зазеркалье модерна

Представленные воззрения, конечно, имеют разную степень академической маргинальности. Однако наличие структурного сходства позволяет охарактеризовать их как современный экономический постмодернизм, который в практической плоскости разрушает экономику модерна, а в научной разрывает академическую традицию. Постмодерн, с одной стороны, эксплуатирует материальные, интеллектуальные и нравственные ценности эпохи советского модерна, паразитирует на них, а с другой – отрицает их, ставит под сомнение их значимость, изобретает новые альтернативные ценности (последнее, впрочем, без особого успеха). Постмодерн можно охарактеризовать как заключительную стадию модерна, когда его немногие оставшиеся ценности еще используются (точнее – утилизируются), но уже не воспроизводятся. И это касается не только материальных ценностей (капитала), но и нематериальных активов, таких, например, как авторитет науки и честь ученых, которые убывают не менее стремительно.

Сегодняшний российский экономический постмодерн – это вывернутый наизнанку и отзеркаленный мир 1930-х годов, мир советского предмодерна. В том мире создавались материальные ценности, а низкий уровень потребления обеспечивал их быстрое накопление. В российском постмодерне уровень потребления высокий, уровень накопления низкий, а разница компенсируется за счет уменьшения накопленных в прошлые десятилетия ценностей. В предмодерне мерилom значимости человека была его способность к созиданию производственных общественных ценностей, в постмодерне ее определяет объем личного потребления. Субъективно ценности постмодерна для российского обывателя более важны: все хотят наслаждаться плодами модернизации, но никто не хочет тяжелой работы по их созданию. Вне всякого

сомнения, нулевые и первая половина десятых годов XXI века отложатся в памяти людей как чрезвычайно счастливое и радостное время. На фоне этого праздника жизни начальный период советской модернизации представляет собой унылые и мрачные будни, полные лишений, тревог и страха, о чем неустанно напоминают могильщики советского модерна.

Но любой праздник рано или поздно заканчивается. Постмодерн не может быть вечным, его продолжительность определяется двумя параметрами – объемом накопленного капитала и скоростью его «проедания». Есть все основания полагать, что сегодняшнее российское общество уже перешло границу этой временной отметки.

Логически из постмодерна существуют два выхода. Первый – новая модернизация со всеми ее трудностями, муками и жертвами. Готово ли к ним российское общество? Уверен, что нет. Второй и наиболее вероятный выход – архаика, то есть примитивизация и редукция экономики, общества, государства. Хронологически, таким образом, постмодерн можно определить как переход из эпохи модерна в стадию архаики. А содержательно, постмодерн – это период окончательной утилизации материальных и интеллектуальных ресурсов, смыслов и ценностей, который, как известно из биологии, происходит в фазе конечного разложения. Помимо прочего, это период окончательной отмены и того, что когда-то называлось научным авторитетом и академическими знаниями.

Впрочем, здесь не все так плохо и однозначно. Известно, что шаманы, двиджи и прелаты занимали привилегированное место в обществах прошлого. Этого не скажешь о современных экономистах. Чем быстрее экономисты осознают свою идентичность, перестанут испытывать по отношению к ней разного рода комплексы, скорее отбросят немногие оставшиеся академические рудименты, тем вернее они впишутся в стремительно архаизирующее российское общество и тем более достойное место займут в нем.

Литература

- Аганбегян А.Г.* Пляда богатырей // ЭКО. 2007. № 8. С. 177–187.
Голдсмит Р. Национальное богатство США в послевоенный период. М.: Статистика, 1968. 430 с.

Кваша Я.Б. Послесловие к кн.: Кример Д., Добровольский С., Боренштейн И. Капитал в добывающей и обрабатывающей промышленности США. М.: Изд-во иностр. лит., 1962. С. 531–536.

Мельянец В.А. Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, история и современность. М.: Изд-во МГУ, 1996. 304 с.

Мэддисон Э. Контуры мировой экономики в 1–2030 гг. Очерки по макроэкономической истории. М.: Институт Гайдара, 2015. 584 с.

Ноув А. Воспоминания об А.Л. Вайнштейне // Экономическая школа. 1993. Т. 3, вып. 3. С. 16–17.

Паланик Ч. Ссудный день. М.: Изд-во АСТ, 2018. 384 с.

Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. 592 с.

Слуцкий А. Читая Вайнштейна // Экономическая школа. 1993. Т. 3, вып. 3. С. 11–16.

Фейнман Р.П. Вы, конечно, шутите, мистер Фейнман! Похождения удивительного человека, поведенные им Ральфу Лейтону. М.: АСТ: Астрель, 2011. 477 с.

Фомин Д.А., Ханин Г.И. Динамика основного капитала экономики РФ в постсоветский период (1992–2015 гг.) // Проблемы прогнозирования. 2017. № 4. С. 21–33.

Ханин Г.И., Фомин Д.А. Инвестиционные, финансовые и институциональные условия возрождения российской промышленности // Journal of Institutional Studies. 2019. № 1 (11). С. 155–175.

Шумпетер Й.А. История экономического анализа: В 3-х т. Т. 1. СПб.: Экономическая школа, 2004. 496 с.

Clark C. The Conditions of Economic Progress. London: Macmillan, 1940.

Статья поступила 04.05.2019.

Для цитирования: *Фомин Д.А.* Статистика национального богатства и экономическая наука // ЭКО. 2019. № 10. С. 172–191. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2019-10-172-191.

Summary

Fomin, D.A. Cand. Sci. (Econ.), Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk

National Wealth Statistics and Economic Science

Abstract. Up to the end of the 90-s, the Russian statistics used the Soviet methodology to evaluate fixed assets. In order to bring the accounting value of fixed assets to the scale of their replacement value, six general revaluations had been carried out. In 1998, the Russia's statistical office implemented international statistical standards which meant that the method of continuous stocktaking should be used to account for the value of fixed capital, and general revaluations should be rejected. However, the use of internationally accepted statistical methodology and accounting standards did not raise the reliability of indicators characterizing the value of national wealth elements and did not expand their list. The main reason for increasing degradation of the Russian statistics is a low level of Russia's economy and inability of its representatives to verify the objectivity of indicators declared

by statistics. This situation of Russia's economics is largely the result of a negative Soviet legacy and repression against leading Soviet economists involved in national wealth valuation. In the post-Soviet period, the negative academic traditions of the economics of the past were not broken, on the contrary, they were strengthened due to mass distribution of postmodern theories among economists which denied that the centuries-old traditional economics would be able to understand the present and destroyed academic intellectual continuity. Postmodernism, unlike traditional economics, does not give a high priority in the economy to national wealth and its basic element, physical capital, and does not consider investment the most important factor of economic growth.

Keywords: *national wealth; fixed assets; Soviet history; USSR statistics; reliability of statistical indicators; political repression; postmodernism theories*

References

- Aganbegyan, A.G. (2007). Pleiades of heroes. *ECO*. No. 8. Pp. 177–187. (In Russ.).
- Clark, C. *The Conditions of Economic Progress*. London. Macmillan, 1940.
- Feynman, R. (2011). *Surely You're Joking, Mr. Feynman!* Moscow. Publ. ACT. Astrel. 477 p. (In Russ.).
- Fomin, D.A., Khanin, G.I. (2017). The dynamics of capital assets in the economy of the Russian Federation over the post-Soviet period (1992–2015). *Studies on Russian Economic Development*. T. 28. No. 4. Pp. 373–383.
- Goldsmith, R. W. (1968). The national wealth of the United States in the post-war period. Moscow. Publ. Statistika. 430 p. (In Russ.).
- Khanin, G.I., Fomin, D.A. (2019). Investment, Financial and Institutional Drivers of Russian Industrial Recovery. *Journal of Institutional Studies*. No. 1 (11). Pp. 155–175.
- Kvasha, Ya.B. (1962). In the book: Creamer D., Dobrovolsky S., Borenstein I. *Capital in the mining and manufacturing industries of the USA*. Moscow. Publ. Foreign Literature. Pp. 531–536. (In Russ.).
- Maddison, E. (2015). *Contours of the World Economy in 1–2030 Essays on Macroeconomic History*. Moscow. Publ. Gaidar Institute. 584 p. (In Russ.).
- Melyantsev, V.A. (1996). *East and West in the second millennium: economy, history and modernity*. Moscow. Publ. MGU. 304 p. (In Russ.).
- Nove, A. (1993). *Memories of A.L. Weinstein. Ekonomicheskaya shkola*. Vol. 3. Issue 3. Pp. 16–17. (In Russ.).
- Palahniuk, Ch. (2018). *Adjustment day*. Moscow. Publ. ACT. 384 p. (In Russ.).
- Piketti, T. (2015). *Capital in the XXI century*. Moscow. Publ. Ad Marginem Press. 592 p. (In Russ.).
- Schumpeter, J.A. (2004). *History of Economic Analysis*. T. 1. St. Petersburg. Publ. *Ekonomicheskaya shkola*. P. 496. (In Russ.).
- Slutsky, A. *Reading Weinstein. Ekonomicheskaya shkola*. Vol. 3. Issue 3. Pp. 11–16. (In Russ.).

For citation: Fomin, D.A. (2019). National Wealth Statistics and Economic Science. *ECO*. No. 10. Pp. 172–191. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2019-10-172-191.